

Т. Александрова

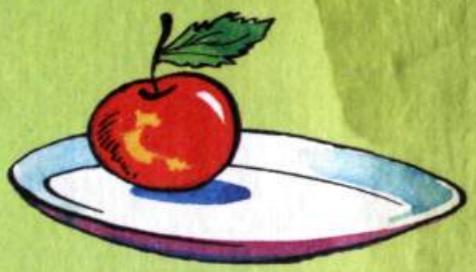
ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ВОЛШЕБНЫЕ ВЕЩИ

— Знаю я, кто нашей беде
поможет, — сказал Нафаня. —
Живёт в берёзовой роще
Марфа-берендейка.
Она всё знает — у неё волшебная
книга есть. Айда к ней!

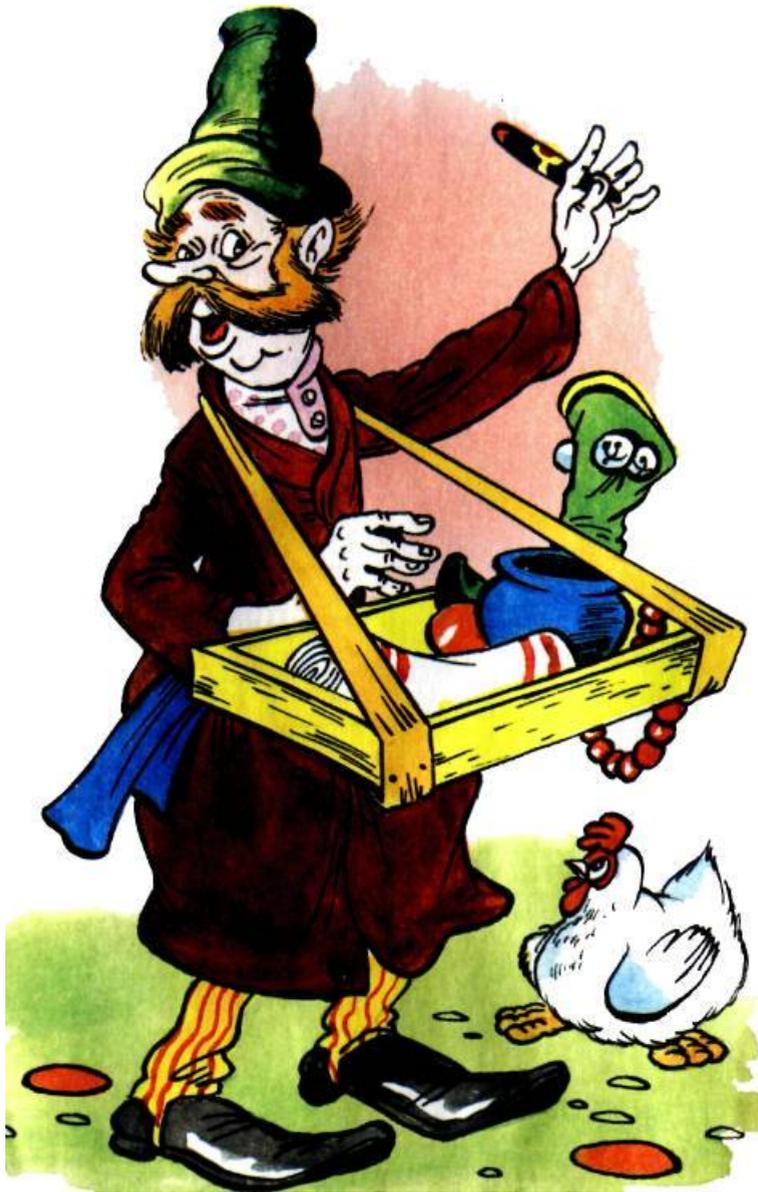

Т. Александрова. ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ВОЛШЕБНЫЕ ВЕЩИ

Г. Александрова

ДОМОВЁНОК КУЗЬКА И ВОЛШЕБНЫЕ ВЕЩИ

«СТРЕКОЗА-ПРЕСС» 2001

Глава 1

ЗУБЫ БОЛЯТ - ЩЕПКИ ЛЕТЯТ

Домовые, в отличие от людей, встают рано-рано, чтобы до рассвета все свои дела переделать. А потом выходят на порожек, чтобы посмотреть, как солнышко из-за леса встает. Сегодня Кузя поднялся засветло, ведь ему предстояла дальняя дорога, а дел в доме было еще невпроворот.

— Ой, дела-дела, непеределочки! — причи-

тал он, топоча из угла в угол. — Зола не убрана, печь не топлена, каша не варена!

Пыхтел-пыхтел, бегал-бегал, а глянь — все успел. Расторопный домовой, молодой еще. Но, кроме дома, есть еще и сад-огород да хлев со скотинкой. Как это все бросишь да оставишь? А потому, как только в светелке стало чистенько да опрятненько, Кузя через кошачий лаз выбрался во двор и принялся за работу там. На крылечке зажегся дежурный светлячок — чтобы веселее работать было.

А Кузя уже шуршал на грядке, попискивал от холодной росы, которая попадала ему за шиворот.

— Бр-р! Так и косточки свои молодецкие застудить можно! — поругался на росу Кузя и принялся считать листки на капусте.

— Один да один — два, два да один и еще один... Уф! — умаялся Кузька. — Все одно, все едино — не доросла еще наша капуста. Значит, до осени еще далеко.

После Кузя погрозил кулаком наглой гусенице, которая уже примеривалась откусить добрый кусок на другом капустном кочане. Гусеница сморщила свой зеленый нос и стала плакать:

— А-а-а! Што ше я делать бу-дууу! Я ше кушать хошу-у-у!

— Вот беда-беда, огорчение! — покачал головой домовеночек. — Это что ж выходит? Если ты будешь сытая — мои хозяева будут голодные. А если ты с голода умрешь — это негоже.

И Кузька схватил голодную гусеницу за хвост и потащил ее по тропинке к калитке. За калиткой росли сорняки и просто зеленая травка. Кузя положил притихшую гусеницу под лопуховый лист и велел:

— На вот, ешь. А к нам на огород — ни-ни. А то в другой раз я тебя спасать не буду.

Гусеница радостно захрумкала лопухом, а Кузя побежал в хлев, чтобы рассказать корове, где сегодня трава будет слаще. Быстро-быстро вскарабкался он на ее большую пеструю спину, пробежал по голове и повис на ухе.

— Эй, Зорька! — закричал он что есть мочи — корова была глуховата. — Зорька! Проснись!

Зорька проснулась и промычала:

— Ну, чего тебе еще, несносный ты клоп?

— На себя посмотри, — обиделся было Ку-

зя, да вспомнил — у него с утра пораньше тоже настроеннице было — не подарок.

— Ты вот что, Зорька. Сегодня за реку не ходи — там трава порыжела, я вчера проверял. Ты сегодня сходи на опушку, там дед Микула вчера мед собирал, да пролил. Так там трава до сих пор сладкая.

— Му-у! Спасибо, — сказала корова и снова заснула.

А Кузя спрыгнул на землю и размечтался, как надоят сегодня сладкого молока, а он пенки снимет и на горбушку намажет... И от таких мечтаний даже в животе лягушки заквакали — так кушать захотелось.

Но кушать было уже некогда — далеко-далеко зарозовела верхушка самой высокой сосны. Того и гляди солнце выкатится и всех перебудит. Надо уже в путь-дорожку собираться да идти потихонечку.

Так Кузя и сделал. Собрал в котомку немножко каши, немножко крошек от пряника, немножко шкварочек и пошел в лес.

А что же домовенок забыл в этом самом лесу? Разве там не лешие с лешатами управляют? Разве там не дикие звери хозяйничают? Так-то оно так, да не так. Потому что в

этом лесу домовенку все были рады, все там ему друзья да приятели. Но сегодня Кузька в лес пошел не для того, чтобы поиграть в горелки да подразнить кикимор. Сегодня у Кузьки было важное дело.

* * *

Вчера вечером, когда он в лапту с домовенком Ваней и шишигой Анютой играл, сорока на хвосте принесла бересты кусочек. Села сорока на забор и стала черным глазом Кузю рассматривать. Он было думал, что она на блестящий наперсток нацелилась, который бабка Настя в траву уронила, и стал сороку прогонять.

— Экий ты невежа! — сказала сорока. — Я тебе новости на хвосте принесла, а ты меня гонишь. Вот улечу обратно в лес, и ничего ты не узнаешь.

— Ладно-ладно, — сказал тогда Кузя. — Давай сюда свои новости, а тебе — так и быть — мятных крошек насыплю.

Сорока перестала обижаться, спрыгнула на землю и даже разрешила шишиге Анюте себя погладить, пока Кузя от ее хвоста берес-

ту отвязывал. На бересте были письма, которые только Кузя разобрать и мог. Он нахмурил свой лоб и стал разглядывать нацарапанные острой палочкой рисунки.

— Все ясно, — сказал он Ване. — Баба-Яга опять сухарей переела и зубом мучается. Надо идти, а то снова дом для хорошего настроения поломаётся.

Кузя знал, про что говорил. Были у Бабы-Яги два дома — один для хорошего настроения, другой — для плохого. В одном Баба-Яга была приветливая да хлебо-сольная, а вот во втором — лучше близко не подходи. Поймает, зажарит и... ну, не съест, конечно, но все равно будет неприятно.

10

Баба-Яга жила в этих домиках по очереди, и поэтому в лесу была тишь да гладь, и никому от этого хуже не было. Но случалась иногда такая беда: заболит у

Бабы-Яги что-нибудь или потеряет она свои очки. Тут у нее портилось настроение надолго, и спасенья от этого не было никому. Ноет она, плачет, ворчит с утра до ночи, даже птицы с деревьев от усталости падают — так это тяжело слушать.

А если у Бабы-Яги надолго испортится настроение, так она из своего злого дома неделями не выходит. Второй домик стоит в это время

11

пустой да сиротливый. И печка в нем вскоре гаснет, и пироги черствеют, а окошки становятся грустные-прегрустные, и начинается дождик. Домик для хорошего настроения начинает хандрить да скучать по Бабе-Яге, и так ему от этого плохо, что начинает он разлаживаться да ломаться. И если этому не помешать, то вскоре случается страшное — вместо двух разных домиков получаются два одинаковых.

И если Баба-Яга свои очки найдет и зуб залечит, она все равно стонет, ноет да ворчит. А что же ей делать, если теперь у нее два дома для плохого настроения?

Помнит Кузя, как это было в прошлый раз. Если бы он с Лешиком вовремя домик не спас, не отмыл, не отчистил, да не напек бы блинов, стал бы лес злым и заколдованным, и жила бы в нем злая Баба-Яга.

Вот поэтому-то Кузя так торопился и спешил. Никак нельзя было позволить такой беде произойти.

* * *

На самой лесной опушке Кузю встретил Лешик — маленький лешенок, который Кузе был в лесу первый друг. Посмотрел Кузя на лешонка и ахнул: видать, и впрямь беда приключилась. Лешик был весь грязный, мятый, на голове трава пожухла, а хвост весь бинтами перемотанный.

— Кузя, Кузя! — запищал лешенок. — Баба-Яга совсем сбрендил! Никакого от нее житья нет! Мало того что ругается, еще и подлости всем устраивает. То подножку поставит, то из рогатки птиц бьет. А мне вот видишь — хвост дверью прищемила. А говорила, пирога да-ам!

Лешик начал всхлипывать.

— Да что ж за наказание такое! Вот утро так утро. Все-то плачут, все-то рыдают. Хватит реветь — и без тебя от росы мокро, — осерчал Кузя. — Ты

лучше давай рассказывай, что приключилось. Опять зуб?

— Угу, — кивнул Лешик, вытирая последнюю слезинку.

— Ох уж этот зуб! Говорил я ей — надо лечить. А она знай себе орехи щелкает. Вот, дощелкалась. Ну что, пойдём?

И они зашагали к волшебной речке, откуда до домика Бабы-Яги было рукой подать. Не успели друзья дойти до дома для плохого настроения, как уже поняли: Бабе-Яге тяжело приходится. Такой шум-гам в доме стоял, такой вой и ор, что деревья листья сбросили, а птицы на юг полетели — только бы не слышать этого.

— Ой-ей-ей! — стонала Баба-Яга. — Ах-ах-ах! Бедная я, бедная!

И — тр-рах горшком в стекло! Вот такой у нее был скверный характер: если ей нехорошо, то вокруг всем плохо должно быть.

Кузенька проследил, как чугунок по земле катится, кузнечиков распугивает, и задумался.

— Ой, Лешик, — сказал он другу. — Что-то страшно мне даже к дому подходить. Того и гляди зашибет.

И точно — вслед за горшком полетела кочерга. Лешик тоненько вздохнул и присел на кочку. Кузя присел рядышком и тоже задумался. Думал-думал и ничего не мог придумать. Тут в ясном небе раздался гром, и друзья удивленно посмотрели на небо. По небу пробежала заблудившаяся тучка и сразу скрылась за горой. И тут Кузя закричал:

— Я придумал, придумал! — и стал другу на ухо шептать — как бы кто не подслушал.

А хитрый план Кузьки был вот какой. Раз Баба-Яга так разбушевалась, что ни в дверь не войдешь, ни в окно не влезешь, оставался только один путь — через трубу. Труба у Бабы-Яги была знатная, широкая. Она сама по молодости через нее на метле летала, а теперь стала большее пешочком ходить. Ничего не поделаешь — возраст. Вот через эту самую трубу и собрался Кузя проникнуть в гости к Бабе-Яге.

Так он и сделал. Забрались они на крышу, Кузя одним концом кушака перевязался, а другой велел Лешику крепко-накрепко держать и ни в коем случае не выпускать. Крякнул Кузя и полез в эту страшную, черную от копоти трубу. Лез, лез и долез. Отвязал пояс и стал в заслонку стучаться.

Баба-Яга так удивилась, что кричать-свистеть перестала.

— Вот старость — не радость, — пробормотала она себе под нос. — Уже что ни попадя кажется да слышится.

Кузя услышал это, да давай Бабу-Ягу запугивать!

— Угу-гу-гу! — завыл он диким голосом. — Ты почто, Баба-Яга, шалишь да балуешь? Кто тебе разрешал лес баламутить, зверей да леших пугать?

— Батюшки! — Баба-Яга от страха даже на стол с ногами забралась — такого она еще не видела, не слышала. — Кто ж это такой грозный у меня в печи завелся?

— А я самый главный из главных начальников над всеми Бабами-Ягами! — еще страшнее завыл Кузя. — Неужто ты меня не узнала?

— Ой, — еще больше забоялась старуха. — Что-то я вас не припомню.

— На собрания надо ходить! — упрекнул Бабу-Ягу «начальник».

— Правда ваша, — вздохнула Баба-Яга. — Давно я с сестрами своими не виделась...

— Ну, рассказывай, почему свою работу в лесу не выполняешь, а только все портишь?

— Ой, батенька! Как же работать-то — я болею.

— Заболела? Полечись, — строго сказал Кузя.

— Да как же мне лечиться-то? Все доктора меня боятся...

— Сама виновата. Нечего было заезжего лекаря в колодец вверх ногами засовывать.

— Так я ж шутя...

— Юмор у тебя, бабушка, какой-то опасный. Он потом всем рассказал, как его в наших краях принимали.

— И что ж теперь делать-то?

— Ну, вот что. Я хоть и по другой специальности, но тебе помогу. Ну-ка попробуй к щеке сало приложить.

— А поможет?

— Ты приложи, приложи, а там поглядим.

Баба-Яга слезла со стола, нашла в кладовке сало и стала его к своей щеке веревочкой привязывать. Привязала и села возле печки. Сидит и ждет, когда зуб пройдет.

— Ну? — забасил из печки Кузя. — Не болит?

— Ой, болит-болит!

— Тогда надо вырывать.

— Как вырывать? Зуб? Любимый, единственную память от покойной бабушки? Да ни за что! — сказала Баба-Яга и на всякий случай отодвинулась от печки.

— Ну, тогда придется тебя из леса выселить, а на твое место взять ведьмочку — она с твоей работой лучше справится.

Тут Баба-Яга не на шутку испугалась. Куда же она из лесу-то пойдет? Как же она без домиков жить будет?

— А может, не надо? — еще раз с надеждой спросила она у строгого начальника.

— Надо, — отрезал тот.

Баба-Яга достала из кармана маленькое закопченное зеркальце и стала рассматривать свой больной зубик. Жалко его было — все-таки сколько лет рос! Но себя было жальче.

— Эх, все одно пропадать! — махнула рукой старуха. — Ну, говори теперь, как зуб рвать будем.

— Бери суровую нитку...

Баба-Яга выдернула нитку из подола и намотала ее на палец.

— ...теперь завязывай на конце петлю и надевай ее на зуб. Только привяжи покрепче, а то толку не будет.

— Шделано, — прошепелявила Баба-Яга.

— Теперь бери нитку за другой конец и привязывай к дверной ручке.

— А это зачем?

— Привязывай, привязывай!

— Ну?

— А теперь сиди и жди, — сказал Кузя и стал дергать за конец пояса.

Лешик вытащил Кузю, всего черного от копоти, и они вместе быстро-быстро слезли с крыши и побежали на крыльцо. Там они вдвоем схватились за ручку и изо всех сил дернули дверь. Внутри домика раздался вой, и оттуда выбежала Баба-Яга, держась за щеку.

— Ах вы, негодники! — закричала она, увидев друзей. — А вот я вам!

— Бежим! — крикнул Лешику Кузька, увидев, как в руке у Бабы-Яги появился тяжелый веник.

И они побежали. Бежали они быстро-быстро, и старая бабушка за ними не попевала.

И потому они первые добежали до домика хорошего настроения и юркнули внутрь. Домик еще не успел испортиться, и в нем было тепло, уютно и пахло пирогом с капустой. Как только Баба-Яга переступила через порог и увидела на столе чашки в горошек с горячим чаем, у нее веник из рук так и вывалился.

— Яхонтовые мои! Изумрудные! Бриллиантовые! Как же мне вас благодарить? Спасители вы мои!

Лешик с Кузей вздохнули с облегчением. А Баба-Яга стала тут же хлопотать, на стол собирать, друзей обнимать. Те чаю попили, уважили старушку и стали собираться.

— У меня еще дома хлопот невпроворот, — проворчал Кузя, слизывая варенье с ва-

трушки. — А вы тут больше не балуйте. Ты, Баба-Яга, зуб свой возьми, пойдешь в амбар, ки́нь через левое плечо и скажи: «Мышка-мышка, возьми зубик костяной, а дай золотой». И тогда у тебя зуб лучше прежнего вырастет.

— Правда? Лучше? И болеть не будет? Ах ты, моя пышечка, ах ты, моя ватрушечка! — и давай снова Кузьку щипать да за щеки трепать.

— Ну, спасибо этому дому, а мне некогда, — сказал Кузя.

— Спасибо тебе! — пропищал Лешик и долго стоял на пороге и махал Кузе мохнатой лапкой.

Глава 2

НЕПРИЯТНОСТИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Кузя торопился домой, чтобы поспеть к ужину. Он очень любил это время, когда вся большая семья собиралась за столом и никто не видел, как домовенок устраивался на кре-

стовине под столом вместе с мышкой Дашей. Там они вдвоем прислушивались к разговору людей и уплетали за обе щеки пироги и плюшки, которые они утащили со стола, пока бабка Настасья крутилась у печки. Кузя видел, что сегодня бабка Настя поставила опару, и это означало, что ужин без пирогов не обойдется.

Спешил Кузька, даже на кочках спотыкался и в корнях путался. Добежал до своей деревеньки как раз тогда, когда солнышко за гору село. Затоптал по деревянному крыльцу, шасть в щель, и уже дома.

Первым делом Кузька побежал к печке, посмотреть, зарумянились ли у пирогов бока и не пора ли их вынимать. Глядь — что такое? Печка темная да холодная, а пирогами и не пахнет. Опара в углу из кадушки лезет, пытит — жарко ей, пора пироги лепить! А никто на нее и внимания не обращает.

— Что за чудеса! То ли бабка Настя заболела?

Побежал Кузя посмотреть, надоили ли с коровы сладкого молока и можно ли уже снимать пенки. И тут незадача — коровы-то в хлеву и нету.

— Батюшки! — схватился за голову домовенок. — Никак, корову нашу Зорьку волк съел!

Метнулся совсем уже огорченный домовенок в горницу, чтобы посмотреть, что хозяйева делают. Наверное, горюют. Хозяйева и вправду были в горнице, только никто не горевал. Все-все, и бабка Настя, и внучка Анютка, и кузнец Силантий, и соседи справа с собакой Жучкой, и соседи слева с кошкой Муркой, и даже петух Тотоша — все собрались.

Сидят ни живы ни мертвы и смотрят все в одну сторону, да так, что даже дышать забывают. Баба Настя веретено из рук выпустила, а в пряже кот запутался, да так и остался лежать неподвижно, только ушами прядает. Кузнец Силантий сапог тачал, да как дратву начал тянуть, так и не вытянул до конца. Анютка ложку в рот засунула, а кашу проглотить забыла. А соседи — пришли с подарками, а подарки подарить и забыли. Петуху уж давно кукарекать пора, а он сидит и гребешком своим красным не поведет. А пес улегся рядом с кошкой и даже не думает на нее рычать.

Что за странная напасть? Никто даже лучину зажечь не додумался. Да что еще за ди-

во: лучина не горит, а светло в горнице. Балалайки вроде не видно, а откуда-то музыка доносится волшебная.

Страшно стало Кузеньке — никогда он такого не видел. Хотел он было убежать куда глаза глядят. Но Кузя был очень любознательный домовенок и решил сперва посмотреть, что же такое там светится да играет, отчего все молчат да не двигаются?

Забрался Кузя на ларь кованый, оттуда — на полку с расписными чашками. Там спрятался за глиняным горшком и осторожно стал подглядывать, что на самом деле происходит.

Посмотрел он и ахнул. На самой середине стола лежало серебряное блюдечко. Края точеные, ручки золоченые, все блестит да переливается. А по этому блюдечку яблочко наливное катается — красное, круглое, прозрачное. Так и хочется его за бочок укусить. И ладно бы это яблочко просто каталось по тарелочке. Как только оно круг описывало, так сразу на тарелочке появлялась картинка. Да не простая, которую на ярмарке продают — с русалками да лебедями, а самая настоящая живая картинка.

Были видны на тарелке и облака, которые по небу гуляют, и рожь, что на поле колосится, и девицы, что хороводы водят. А потом на тарелочке и не такое стало видно. Появились страны заморские, цветы небывалые, звери чудные и камни самоцветные.

И все эти красоты такие были настоящие, что даже Кузя так залюбовался, что чуть с полки вместе с кувшином не грохнулся. А потом опомнился, зажмурил глаза и закричал:

— Ой, чур меня, чур! Сгинь, напасть, за три моря, за четыре горы! Оставь тоска-море нашу деревню!

Проговорил Кузя эти волшебные слова и снова глаза открыл. Не тут-то было. Яблочко как каталось, так и катается, картинки как двигались, так и двигаются, а все вокруг по-прежнему еле дышат, даже мухи жужжать перестали.

Закручинился Кузя, понял, что беда пришла небывалая. Сел он на ступеньку, кликнул мышку Дашу и стал ей жаловаться:

— Ой, Дашка, что же нам теперь делать? Хозяев наших заколдовали. Не могут они теперь ни ходить, ни говорить, ни кашу варить. Как же мы с тобой жить-поживать будем? Ведь помрем с голоду и холоду и некому будет наши косточки схоронить.

Мышка Даша только тарасила свои глазки-пуговицы да пищала — такая была глупенькая мышка.

— Ну уж нет! — сказал себе Кузя. — Не бывать этому. Домовитый я али как? Надо за дело приниматься, на то домовые и существуют, чтобы в доме был порядок.

Легко сказать, а как сделать? Пошел Кузь-

ка по дрова. Давай полено из кучи вытягивать. А полено большое, сучковатое, тяжелое. Тянул Кузя, старался, лаптями упирался. Полено-то подвинулась, но тут и его братья стали шевелиться — тоже в печку хочется. Да так расшевелились, что вся поленница и посыпалась. Бедный домовенок еле ноги унес — чуть его не пришибло. Взял он маленькую дровишку, что дальше всех откатилась, и потащил ее в дом.

Кое-как со своей ношей взобрался домовен-

нок на крылечко, затащил полено в печку, а поджечь никак не получается — огниво-то у Силантия. Полез Кузя за огнивом, вытащил его из кармана, а кузнец даже и не шелохнулся.

— Ох-хо-хо! — огорчился Кузя. — Так с него можно и рубаху снять — не хватится.

Повозился Кузя с огнивом, разжег соломки и в печку засунул. А там как вспыхнет! Стоит Кузя с огнивом в руке, подпаленными ресницами моргает и понимает, что так дело далеко не пойдет.

Пытался он кашу подогреть да хозяев накормить. Но одно полено — не костер, быстро прогорело и тепла не дало.

— Будут ужинать холодной, раз такие лентяи, — сказал Кузя и начал кашу по тарелкам раскладывать.

Тяжело пришлось домовенку — ложка тяжелая, чугунок — еще тяжелее. А когда кашу разложил, стало еще страшнее: как их с печи стащить да к столу доставить? Думал домовенок, гадал, да так ничего и не придумал.

— Ох, помрут, помрут они с голоду!!! — снова запричитал-заплакал Кузенька.

Мышка Даша прибежала, стала пищать,

утешать его, угощать сыром, что из мышеловки утащила. И понял Кузя, что никак ему самому без людской помощи с хозяйством не справиться. Тогда решил Кузя, что ночь он поспит, а завтра поутру отправится в соседнюю деревню, где жила вся его домовячья семья — Афонька, Адонька, Сюр, Вуколочка и много-много других домовых.

— Надо звать на помощь, а то скоро у меня ручки-ножки поотваливаются и горбик вырастет, — решил Кузя и лег спать за печкой.

Долго ему не спалось — все музыка мешала да свет, который от блюдечка разливался во все стороны. А хозяйева все не ложились и не ложились.

Наутро Кузька проснулся от того, что музыка в тарелке заиграла еще громче.

— Проклятая бирюлька! — осерчал домовенок и полез на стол. Взял он тарелку да и толкнул ее на пол — пусть сломается.

Что тут началось! Люди стали кричать, собака рычать, кот шипеть, петух крыльями хлопать, а Анютка сразу реветь принялась. Только кузнец Силантий не кричал. Он встал, поднял тарелку с пола, сдул с нее пылинки и снова на стол поставил. А тарелка как ни в

чем не бывало знай себе картинки волшебные показывает. Тут сразу все утихло, успокоились и стали снова в тарелку глядеть.

Кузя понял, что так просто с колдовством не сладить — слишком сильное оно было. Пошел в соседнюю деревню — домовых на помощь звать.

Пришел туда и видит: все его родственники-домовые по деревне мечутся, за головы держатся. Никто на Кузю и не смотрит — так все чем-то расстроены. Кузя побегал-побегал вместе со всеми, и надоело это ему. Поймал он домового, который так спешил, что все время падал. Глядь — а это Вуколочка, друг его закадычный.

— Вуколочка! Что вы все, как зайцы по полю, скачете? Или у вас опять соревнования?

— Кузенька! — всплеснул руками Вуколочка. — Уходи добру-поздорову! У нас в деревне жители с ума сошли! Что делают, что творят!

Услышал это Кузя и обомлел: значит, и сюда добралась напасть-беда, и здесь всех людей заколдовал неведомый волшебник.

— А ну, покажи! — сказал он Вуколочке.

И друзья побежали к дому, откуда такой шум-гам раздавался, будто там у Бабы-Яги зуб болит. Пролезли домовята в щелочку и стали наблюдать.

А в избе народу — тьма-тьмушая. И все пляшут, аж пыль столбом стоит. Да так лихо пляшут, что, глядя на них, у Кузи даже пятки зачесались — так ему вдруг танцевать захотелось. И только он повел плечами, развел руками да притопнул каблуками, как вдруг веселая музыка сменилась на грустную. Тут все, кто только что свистел да топал, вдруг попадали, где стояли, и залились такими горькими слезами, что у Кузьки даже глаза защипало. Дети хныкали, бабы рыдали, даже мужики соленую слезу рукавом вытирали.

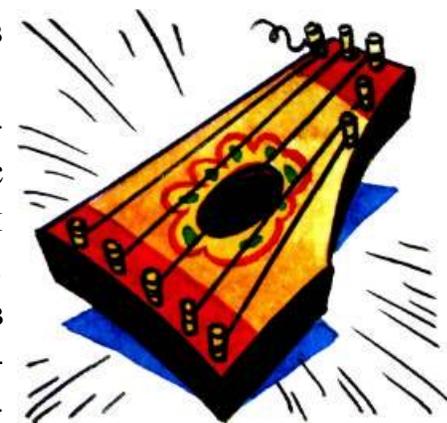
И только-только натекла лужа из горьких слез, как музыка снова поменялась, и на этот раз все затянули песню из ста куплетов и ста припевов. Кузя дослушал до двадцать девятого куплета и спросил у Вуколочки:

— Это что?

Вуколочка, который тоже тоненьким голоском подпевал хору, помотал головой и ответил:

— Напасть какая-то! Вон, смотри, в том углу.

Кузька посмотрел в угол и рот раскрыл. Лежали там гусли кленовые, расписные, с золотыми струнами и серебряными ладами. Гусли лежали себе в углу да тренькали потихонечку сами по себе. И так это у них хорошо получалось, что ни один гусяр так бы не смог.

— Уже день прошел, и ночь прошла, — жаловался Вуколочка Кузьке. — А они все то пляшут, то поют. Скотина не кормлена, огород не полот, пироги не печены. Домовые уж с ног сбились. Не знаем, что делать.

И рассказал Вуколочке Кузя про свою напасть. И решили друзья пойти за помощью в третью деревню, что поодаль стояла. Там жил их дядька Нафаня. Он был старый домовый и очень умный. Много на свете повидал и мог беде помочь, что-то дельное посоветовать.

К вечеру Кузя и Вуколочка добрались до дальней деревни. Деревня была большая да богатая. Много в ней было дворов, а в каж-

дом дворе — большое хозяйство. Всякие-всякие здесь были животные — и коровы, и овцы, и козы, и свиньи, и птица была самая разная. А уж о полях, что окружали деревню, и вовсе нечего было говорить. С одного колоска можно было зерна намолотить на целый каравай хлеба — вот как славно было в этой деревне.

Да только что-то в ней было неладно. Подошли поближе домовята и удивились: хлеб в поле весь осыпался, скотина по лесам разбегалась, а все огороды бурьяном заросли. Дома покосились, дорожки песок занес, и тихо-тихо, словно нет никого.

Встревожились домовята и поняли, что и здесь случилось что-то страшное. Прошли они по деревне, поискали домовых, да никого и не нашли.

— Нафаня! — закричал Кузенька что есть мочи. — Нафаня!

И тут откуда-то послышался скрип да кашель. Из-под завалинки выбрался лохматый, худой и злой Нафаня.

— Ну, что орешь, что орешь? — пробубнил он, увидев племянника. — Видишь, нет никого.

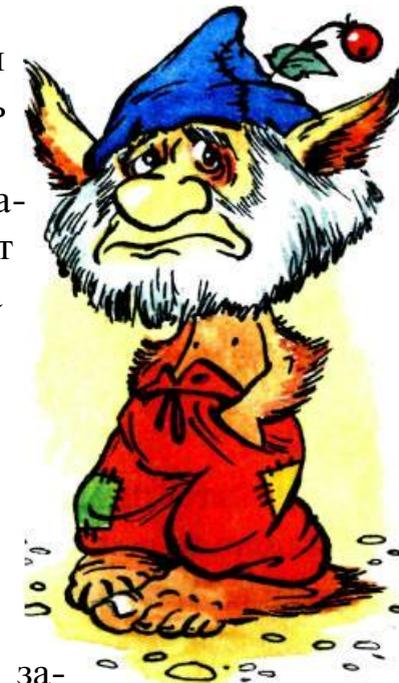
— Как же нет, если ты есть? — спросил, чуть не плача, домовенок.

— Я-то есть, — согласился Нафаня. — А вот толку — нету. Скотина разбежалась, огороды позаросли. А братья-домовые разбрелись по белу свету — новую деревню себе искать.

— Нафаня, а что за напасть такая?

Закряхтел Нафаня, затрещал костями, вылез из своей берлоги и поковылял куда-то. Растерянные домовята за ним пристроились, и вскоре все втроем добрались до одного дома. Дом был самый большой во всей деревне. Раньше там гулянья устраивали и свадьбы праздновали. А теперь в доме лежал толстый-толстый слой пыли, а с потолка свешивались на тонких паутинках сердитые пауки и раскачивались — туда-сюда.

А из большой комнаты доносился странный звук, будто целая деревня громко храпела во сне. Да так оно и было: на полу, на сун-

дуках, на матрасах вповалку лежали все местные жители и сладко спали.

— Это еще ничего, — сказал Нафаня. — Сейчас проснуться и завтракать будут. — И точно: стали люди ворочаться на своих местах, чесываться, глаза протирать. Вскоре все проснулись, загомонили.

«Сейчас в поле», — подумал Кузя, но ошибся.

Все, кто проснулся, лениво расстелили большую-большую скатерку и захопали в ладоши. И на скатерке в ту же минуту появились всяческие яства. Тут были и запеченные в сметане поросята, и гуси-лебеди с яблоками да гречневой кашей, и расстегаи с капустой и рыбой, и фаршированная щука, и бадейка меда, и крученики грибные, и капустка квашеная с клюквой, и сласти, и соленья, и печенья — всего и не перечесать. В общем, яства самые разные и все — вкуснейшие и свежайшие. Сели люди за длинный стол и начали трапезничать. Ели они, ели, а еда все не кончалась, а только прибывала. Кости под стол собакам бросали, кожуру в окно птицам кидали, и всё ели и ели.

Кузя сперва обрадовался такому изобилию и под стол полез по своей привычке. И сколько бы он ни тащил со стола всяческой снеди, никто этого даже не замечал. Наелся Кузька до отвала и сразу уснул.

А когда проснулся, увидел рядом с собой Нафаню, который сердито хмурился:

— Ай-яй-яй, негодник! У тебя в деревне беда, а ты тут уплетаешь за обе щеки и спишь по полдню, с боку на

бок переворачиваешься. Вставай, лежебока, надо дело исполнять!

Устыдился Кузенька и понял, что за беда на Нафанину деревню навалилась. Видно, и тут побывал злой волшебник, и здесь жителям навредил.

Конечно, если еда не кончается, кто же станет в поле работать да за скотиной ходить? Вот все и едят да спят, животы отрастали и щеки на подушках отлежали.

Пригорюнились домовые, присели на завалинку и стали совет держать, как им от такого горя-несчастья спастись. Думали-думали и ничего придумать не могли. И тут Нафаня как стукнет себя по лбу звонко-звонко, домовые даже вздрогнули.

— Знаю я, кто нашей беде поможет. Живет в березовой роще Марфа-берендейка. Она все знает и все может — у нее книга волшебная есть. Айда к ней!

Домовята поспешили за Нафаней, и долго ли, коротко ли, пришли в березовый лес. В лесу хорошо, березки тоненькие, беленькие, а по ним солнечные зайчики скачут, аж в глазах рябит.

Нафаня снял свою шапку и поймал одного зайчонка. Взял его в руку и спрашивает:

— Зайка-зайка, где Марфу-берендейку найти?

Зайчик замигал от испуга, даже солнечный язык позабыл. А потом посмотрел вокруг и понял, что люди — добрые и не будут его в сыром колодце запирать или в темном чулане держать. И отвечает он им тоненьким голоском:

— Марфа на озере, из тины платье прядет и русалкам басни рассказывает. Пойдемте провозу.

И запрыгал зайка по березкам, а за ним и все его братья увязались. Так что скоро перед домовятами целая стайка ярких зайчат прыгала.

И вот впереди показалось маленькое лесное озеро. Зайчики как увидели его, так с разбегу в воду и попрыгали. И вода заискрилась, засверкала, а серебряные рыбки радостно пустились в пляс.

Только не радовала домовых вся эта красота. У людей — радость, у домовых — горе. Заметила их грустные лица и Марфа-берендейка, что на берегу сидела, а косу в воде мочила.

Марфа и вправду новое платье из тины тка-

ла, русалкам веселые басни рассказывала, но как только домовят увидела, сразу работу отложила и русалкам велела притихнуть.

— Отчего вы такие хмурые? Отчего белый день своей грустью черните? Откуда вы такие явились, и что вам от меня надобно? — так спросила Марфа.

Поклонились ей в пояс домовые, и Нафания, как самый старший, стал речь держать:

— Ты прости, Марфа-берендейка, что мы тебе погожий денек испортили. Но мы к тебе не баловать пришли, а за советом. Подскажи

ты нам, домовым, как нам дальше жить-поживать и что теперь делать?

— Да как же вам жить? По-прежнему и живите — людям

помогайте, за хозяйством следите да сказки сочиняйте.

— А коли люди наши заколдованы, да так, что мы им ничем помочь не можем?

И рассказали домовые, каждый по очереди, что в их деревне случилось-приключилось. Внимательно выслушала их Марфа, да так нахмурилась, что даже на солнышко тучка набежала, зайчики под кувшинки попрятались, а русалки в воду плюхнулись.

— Да, беда ваша серьезная. Но я, наверное, смогу помочь — не делом, так советом. Знаю я те вещи, из-за которых у вас все так плохо стало. Только вот в книге своей посмотрю.

Сказала так и достала из-за складок своего широкого платья огромную книгу. Открыла ее, полистала и стала читать.

— Ну вот, — говорит. — Теперь я точно знаю, как вашу беду звать-величать. Это наливное яблочко на серебряной тарелочке, гусли-самогуды и скатерть-самобранка. Так называют волшебные вещи, которые и в сказках описываются. Только давно-давно потеряли их люди из-за того, что в сказки верить перестали. Но вот кто-то их нашел и в ваши деревни принес. Кто принес, тот и за-

братъ должен. А как заберет, все станет по-прежнему. Вот и весь мой сказ.

— А кто же их принес? — хором спросили домовята.

— А вот этого в книге не написано, — сказала Марфа-берендейка. — Это вы сами узнать должны.

Сказала так, хлопнула в ладоши, в сойку превратилась и улетела.

— Улетела, — пробормотал Вуколочка. — Только платье и осталось.

Глава 3

ЗА СЕМЬ ВЕРСТ КИСЕЛЯ ХЛЕБАТЬ

Деваться некуда — надо самим справляться. Собрались домовые и отправились в обратный путь — прямо до деревни, в которой Вуколочка жил. Там собрали они всех-всех домовых, которых только нашли, на большой поляне за околицей и стали совет держать, как им дальше быть.

Начали вспоминать-размышлять, кто по

их деревням чужой проходил, кто рядом око-лачивался.

— Девочка с лукошком была. Говорит, в лесу заблудилась. Наверное, она, — вспомнил один.

— Нет, эта девочка наша. Ее Дуняшей звать, она добрая, она нам мед в блюдечке оставляет! — возразили другие.

Думали, гадали и тут самый маленький домовеночек, которого только сто лет назад в капусте нашли, тихо-тихо сказал, что, наверное, это был заезжий купец, что у колодца разными разностями торговал.

Стали думать-вспоминать. И вправду было такое. В каждой деревне этого купца видели. Даже Кузька вспомнил, что бабка Настя от него Анютке петуха на палочке приносила.

— Он-он, больше некому! — зашумели домовые, обрадовались.

— Тише-тише!— крикнул Кузька. — Чего радуетесь? Давайте рассказывайте, кто он таков, на кого похож и куда путь держал?

И вот тут началось самое удивительное — домовые никак не могли выяснить, какой же этот купец на самом деле.

— У него уши торчком, глаза, как блюдца, бородища метелкой и пузо набекрень! — кричали одни.

— Нет уж, он маленький, седенький, нос крючком, за спиной горб, а волосы в траве путаются! — возражали вторые.

— И вовсе не так. Он большой, как стог, ноги, как столбы, руки, как ветки, а голос, как гром, — не соглашались третьи.

И тут снова маленький домовеночек из своего уголка скромно сказал:

— И вовсе нет. Был он ни высок, ни низок, ни толст, ни худ, ни волосат, ни лыс, ни стар, ни молод, ни богат, ни беден. Человек как человек. Только по одной примете его и можно узнать: один глаз у него зеленый, другой — черный.

Все замолчали и стали вспоминать. И оказалось, что на самом деле — таков этот заезжий купец и был. А вот куда он ушел, об этом не знал даже маленький домовеночек. Опять начали домовые ссориться и ругаться. И всяк показывал в свою сторону: один — туда, где солнце всходит, другой — где заходит, а третий — в сторону дремучего леса, в

котором столько деревьев, что даже птицы на лету застревают.

— Погодите, — сказал тут Кузька, видя, какой сыр-бор разгорелся. — Нечего ругаться. Пусть всяк идет в свою сторону и ищет купца. А как найдет, пусть сюда ведет. Тут мы с ним и разберемся.

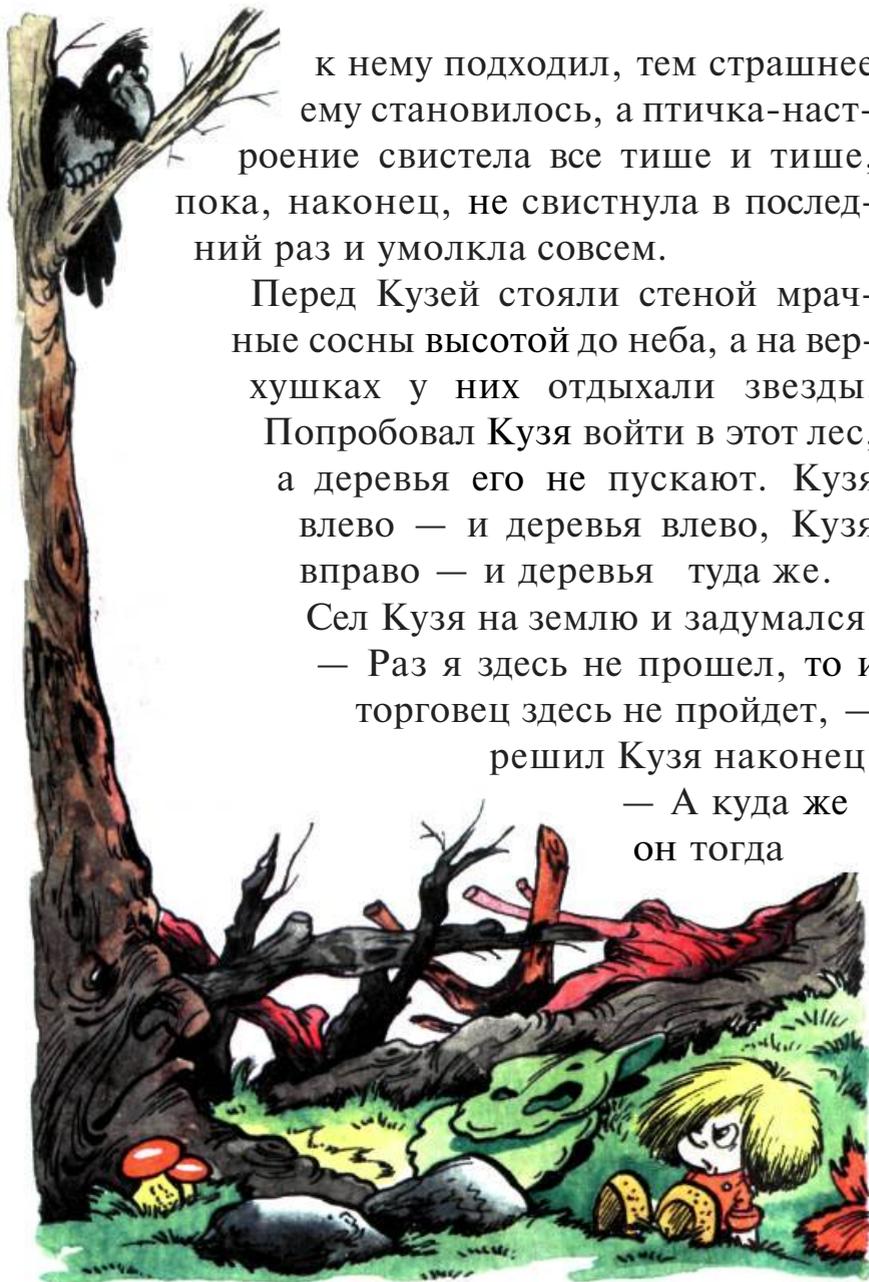
Загалдели домовые — понравилась им Кузькина идея.

Вот встали посреди широкого двора три друга, три домовых, по одному от каждой деревни — Кузенька, Вуколочка и Нафаня. Каждый своей деревне поклонился, с другом попрощался и пошел всяк своей дорогой.

Вуколочка пошел туда, где солнце всходит, Нафаня — туда, где заходит, а Кузьке достался дремучий лес, темный и страшный.

* * *

Кузя бодро шагал по дорожке, которая петляла по лужайкам. Его хорошее настроение летело за ним в виде пестрой пташки и щебетало песенку, посвистывало. Впереди рос громадой темный лес, и чем ближе Кузя

к нему подходил, тем страшнее ему становилось, а птичка-настроение свистела все тише и тише, пока, наконец, не свистнула в последний раз и умолкла совсем.

Перед Кузей стояли стеной мрачные сосны высотой до неба, а на верхушках у них отдыхали звезды. Попробовал Кузя войти в этот лес, а деревья его не пускают. Кузя влево — и деревья влево, Кузя вправо — и деревья туда же.

Сел Кузя на землю и задумался.

— Раз я здесь не прошел, то и торговец здесь не пройдет, — решил Кузя наконец.

— А куда же он тогда

мог пойти? В обратную сторону, конечно же! Тогда и я в обратную сторону пойду.

И зашагал прочь, и птичка-настроение защебетала все громче и громче. Кузенька топтал обратно сквозь деревню под удивленные взгляды своих братьев-домовых и спустился с откоса в другую сторону.

А в другой стороне тоже был лес — только родной и знакомый, тот самый, в котором жили все Кузины друзья. А потому сквозь этот лес идти было совсем не страшно.

— Вот красота-красотища! — радовался Кузя тому, что убежал от страшных ходячих деревьев. — Сейчас я спрошу у Лешика и русалок, у кикимор и медведя, не видали ли они купца заезжего, у которого разные глаза.

Только он так подумал, как глядь — на опушке кто-то кусты шевелит, траву мнет и кряхтит.

— Эй, кто там, а ну выходи — здороваться будем! — радостно крикнул Кузя.

Из-за кустов выглянула Баба-Яга и строго сказала:

— Ну, что орешь, что орешь? Все грибы мне распугаешь!

И вправду: по траве шебуршали грибы,

прячься под листики от Бабы-Яги. Та даже запыхалась за ними гоняться с дырвым сачком — такие они были проворные.

— А ты их зачем ловишь? — поинтересовался Кузя, заслоня маленького масленка лаптем. — Неужели суп варить будешь?

— Какой там суп, яхонтовый мой? Домой возьму — пусть с котом играют, а то он что-то в последнее время вредный стал, как редька, — и снова давай за грибами бегать — и откуда только прыть взялась.

— Ты бы лучше дело доброе сделала, — сказал Кузька Бабе-Яге.

— Какое это дело?

— Ты мне лучше подскажи, как с бедой справиться.

— Зуб болит? — с сочувствием спросила Баба-Яга.

— Не-а. Одного купца заезжего найти надо. С разными глазами. Не видела?

— Нет, не видела. А что за купец?

— Да вещи у него волшебные имеются — скатерть-самобранка, наливное яблочко на серебряной тарелочке и гусли-самогуды.

— Волшебные вещи? Как же, как же! — за-

кивала Баба-Яга. — Знаю, знаю. Давно это было...

Баба-Яга так замечталась, что не заметила даже, как грибы дружной стайкой убежали в лес.

— Помню, я еще молодухой была... — начала Баба-Яга.

— Бабуля, так ты видела купца или не видела? А то я пойду, — заторопился Кузя.

— Да погоди ты, брильянтовый мой. Айда-ка со мной.

Шли они шли, и пришли к старушке в пряничный домик для хорошего настроения. Как только поднялись на порог, на резное крылечко, открыли расписную дверь, Баба-Яга так сразу под печку и полезла — только лапти снаружи остались. Залезла под печку и давай там чугушками греметь, соломой шуршать.

Кузя посмотрел на это, посмотрел и давай тоже под печку заглядывать — что же там происходит.

— Баба-Яга, а Баба-Яга, — сказал он наконец. — Может, тебе помочь чего?

Но тут Баба-Яга сама из-под печки вылез-

ла — вся в паутине, кокошник набекрень, а в руке — клубок шерстяных ниток, синих-пресиних.

— Вот, — говорит, — тебе от меня подарок. Ты для меня доброе дело сделал, и я тебя уважу, — и Кузе клубок протягивает.

— Зачем он мне? Я и вязать-то не умею, а носки мне бабка Настасья штопает, — удивился подарку Кузя.

— Да нет, это не простой клубочек, а волшебный. Помню, я еще молодухой была, он ко мне откуда-то прикатился и с тех пор стал жить у меня. Говорят, его вместе с другими волшебными вещами из сказки принесли, да потеряли. Ты его возьми, может, он тебе поможет.

Сказала так Баба-Яга и стала снова по хозяйству хлопотать — такая вот домовитая была Баба-Яга. Недаром она с домовенком дружила.

Взял Кузенька клубок волшебный бережно, двумя руками, и посмотрел

на него с опаской. Он уже на эти волшебные вещи насмотрелся и ничего хорошего от них не видел. А вдруг этот клубок его нитками обмотает, узлами завяжет?

Но только Кузя вышел с клубком на двор, где гуси-лебеди травку щипали, как клубок сам у него из рук выскочил, только свой пушистый хвостик в руке у домовенка оставил. Выскочил клубок и покатился по стежке-дорожке — только поспевай.

Кузька держится за хвостик, бежит за клубочком, лаптем за лапоть цепляется, а кусты мимо него так и мелькают, трава по лицу венчиками хлещет. Но некогда домовенку на такие пустяки отвлекаться — у него впереди важное дело, спешное дело, и клубочек быстрый, как ветер.

Долго ли, коротко ли они так бежали, и тут клубочек замер как вкопанный. Кузя от неожиданности даже пробежал несколько шагов и клубок за собой протащил. А тому — хоть бы хны, будто он и не бегал по тропкам-дорожкам никогда. Лежит себе на траве, будто только для того и нужен, чтобы шарфы и варежки из него вязать.

Кузя подергал клубок за веревочку, подергал и решил, что так тому и быть — нужно же когда-нибудь отдыхать. Осмотрелся Кузя вокруг — что за место выбрал его помощник для отдыха. Оглянулся — и обомлел. Оказалось, они в том самом страшном лесу, в который Кузю деревья не пускали. Только уже не на опушке они были, а в самой чаще, где деревья стоят обнявшись, и кроны их небо застилают.

— Ах, негодный клубок! — разозлился Кузенька. — Куда же ты меня завел — на погибель верную. Того и гляди из леса волк голодный выскочит или медведь косолапый выбежит. Кто же купца тогда пойдет искать?

Только проговорил так Кузя, как кусты затрещали, деревья зашатались, того и гляди на поляне кто-то страшный объявится. Присел Кузя, зажмурился. Страшно ему, а все одно интересно. Смотрит он одним глазом и диву дается. Что за чудо: лес расступился, шумит и трещит, ветки шатаются, а никого не видно. Будто бы ветер вдруг решил побаловать, домового попугать. И тут вдруг — трах-тарарах! Шмяк, бряк, бу-бух! Вывалился откуда ни возьмись мишка косолапый и на траву как упадет.

— Вот, — говорит, — незадача! И меня никто не видит, и я ничего не вижу!

Поднялся на задние лапы и давай колено потирать — видать, ушибся о пень трухлявый, что в траве стоял.

— Здравствуй, мишенька, — сказал вежливый домовенок. — Отчего ты кусты ломаешь да по траве валяешься? Разве тебе не надо мед у пчел отнимать?

— Мед? — облизнулся медведь. — Мед — это хорошо. Мед — это сладко. Да вот незадача — появилась у меня забава — людей да зверей в лесу пугать.

— Да уж, это у тебя хорошо получается, — поежился Кузька.

— Хорошо-то хорошо. Да только вот никто со мной дружить теперь не хочет. Говорят, неправильный ты медведь. Бурые медведи себя так не ведут. Бурых медведей издалека видно. А ты, хоть и большой, будто мышь, в траве хоронишься. А все шапка проклятая.

— Шапка? Это какая же?

— Да вон в траве валяется. Шел один мужичонка через лес, да шапку эту и обронил. Я возьми ее, да на себя и напяль. А шапка оказалась не простая, а с фокусом.

Тут мишка поднял из травы-муравы шапку, всю расшитую узорами и украшенную камнями, напялил на голову и... пропал.

— Ну вот, — обиделся Кузя. — Ни тебе здрасте, ни тебе прощай. И вправду — странный какой-то медведь. Наши с тобой по три раза в день здороваются, не отвяжешься.

— Вот, — сказал тут медведь, снова появляясь ниоткуда перед домовенком. — И ты тоже обиделся. Теперь понимаешь, почему со мной никто дружить не хочет?

— Понимаю, — сказал Кузя. — И все из-за шапки?

— Из-за шапки.

— Так давай ее сюда.

Медведь так обрадовался, что его избавили от напасти, что даже предложил Кузю подвезти.

— Куда тебе? — спросил медведь, когда домовенок забрался на его мягкую спину.

— Я сам не знаю, — сказал Кузька. — Сперва мне клубочек дорогу показывал, а теперь он поломался. Расскажи-ка мне лучше, куда тот мужичонка пошел, что шапку обронил.

— А пошел он в сторону переправы через реку Звонкую. Там три дороги есть и три деревни. Вот в одну из деревень мужик и шел. Только в какую — не знаю.

— Вот и отвези меня к этой переправе, а там я уж сам разберусь, — сказал Кузька медведю.

Сказано — сделано. Повез Кузьку медведь сквозь лес густой, а лес сам по сторонам раступается, дорогу показывает. И вскоре заблестели сквозь листочки первые солнечные лучи, и показалась опушка.

— Здесь я тебя и оставлю, — прорычал медведь. — Негоже мне белому дню показываться.

Сказал он так и затрусил себе в лес по своим медвежьим делам. Вздохнул домовенок — жалко было с медведем расставаться. Большой он, сильный: с таким в лесу не страшно —

никто не обидит. Но делать нечего — и медведя можно понять, соскучился по своим. Поэтому Кузенька унывать не стал: выбрался на песчаную дорожку и за клубком зашагал.

Глава 4

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Не успел Кузя пройти и сто шагов, как снова непонятное случилось. Послышался на дорожке свист, шум, взметнулся песок, будто ветром поднятый, и промчался мимо домовенка вихрь — чуть с ног не сшиб. Промчался вихрь, а вместе с вихрем — голос. Да такой перепуганный, что даже мороз по коже пробежал.

— Помоги... — прокричал голос и скрылся вдали вместе с вихрем.

— Что ж это делается? — покачал головой домовенок.

И только свист и крик затихли вдали, только Кузя собрался дальше идти, как снова — шум, свист да крик.

— Спаси...

— Ничего не понимаю, — пожал плечами Кузька, прислушиваясь, как где-то далеко затрещали кусты.

И в третий раз стал приближаться вихрь. Но на этот раз вдруг клубочек, что вел домовенка по стежке-дорожке, вдруг подпрыгнул, перевернулся, через дорожку перекатился и вокруг столетнего дуба пару раз ниткой обвился.

— Эй, ты чего? — испугался Кузя.

И не успел опомниться — бац! — как дернет его веревочкой! Кузя от неожиданности даже вниз головой на песок полетел — носом дорожку вспахал. Не успел домовенок испугаться да рассердиться, на него сверху что-то как шмякнется, как брякнется! Тяжелое такое, словно мешок с горохом. Лежит Кузенька ни жив ни мертв. Во рту песок, в носу песок, а сверху мешок с горохом. Кому ж такое понравится?

— Ох-хо-хо! — застонал домовенок.

— Эх-хе-хе! — отозвался мешок.

Испугался Кузьма не на шутку и давай бейстрей из-под этого странного мешка выби-

ратся. Выбрался и видит: никакой это не меток оказался, а просто человек какой-то. Человек как человек, только ростом не вышел.

Посмотрел человек на домовенка испуганно и спрашивает:

— Ты кто будешь-то?

— Я — Кузя.

— А почему маленький такой?

— А домовые больше и не вырастают, — обиделся Кузя.

— А ты домовой?

— Домовой.

— Настоящий?

— Можешь пощупать, только за волосы не дергай — больно.

— А я думал, домовые только в сказках бывают.

— И в сказках, и в песнях, и просто так, — согласился Кузя. — Ты-то сам кто?

— Я-то деревни Ольховки житель.

— Ну, житель, — не растерялся Кузя, — давай рассказывай: зачем честной народ пугаешь да откуда ни возьмись на голову сваливаешься?

— Рассказал бы я тебе, — отвечает чело-

век. — Да только у меня так в горле пересохло, что еле дышу. Вот если бы ты мне попить принес во-он из той речки, я бы тебе много интересного порассказал.

И правда — голос у мужика был не голос, а сип какой-то!

— Ну вот еще, — разобиделся Кузька.

Он хоть и добрый домовенок был, да уж очень осерчал, что его так испугали. И так в лесу страху натерпелся, а тут еще и за водой посылают.

— А сам чего не сходишь? — спросил он у незнакомца.

— Я бы сходил, — отвечает. — Да вот только ноги у меня гудят да отваливаются.

— А что так? — снова спрашивает любопытный домовенок.

— А ты сходи за водой — я тебе и расскажу.

Вот хитрый мужик попался! Нечего делать — надо за водой идти. Собрался Кузька и потопал по тропинке к ручью, через который только что перебрался. Там свернул большой лопушиный лист ковшиком, зачерпнул студеной водицы и пошел обратно.

Шел-семенил, старался водицу донести и не капли не пролить. А то песок он вон какой — выпьет всю воду до капли, ищи ее потом.

Принес домовенок мужичку водицы, тот испил и говорит:

— Вот спасибо тебе, малыш! Такая вкусная была водица, слаще меду. Теперь я тебе и историю свою могу рассказать. Во всем любопытство мое виновато. Говорила мне жена — не суй свой нос куда не следует. А я, дурень, не послушался ее. И вот...

— А взялся-то ты откуда? — спрашивает нетерпеливый Кузя.

— Откуда-откуда... Прибежал — вот откуда.

— Так это ты шумел-свистел? — догадался домовенок.

— Я, — согласился мужик.

— А как же это ты так быстро бегать научился? — снова удивился Кузя.

— Да сапоги эти чертовы виноваты.

Смотрит Кузя, и вправду — сапоги. Валяются на дорожке, все в песке, один носом на восток нацелился, другой — на запад. А сапоги знатные — прямо загляденье. Сами сафьяновые, красные, носки узкие, каблуки звон-

кие, с подковками, а по голенищу мастер серебряные бубенцы навешал — чтобы хозяина издалека было слышать, точно лошадь.

— Ай да сапоги! — дивится Кузя — он таких отродясь не видывал.

— Это что! — говорит мужик. — Они и с виду чудные, а что откаблучивают — вовек не догадаться! Только ноги в них сунешь и — фьють! — тебя как ветром сдуло! Семимильные называются. То есть семь миль за один шаг. Я их с дури купил — думаю, буду в город

за покупками летать, а то лошадка у меня что-то болеет. Купить купил, а про то, что они такие прыткие, и знать не знал. Вот и сходил на ярмарку — до сих пор остановиться не могу. Спасибо тебе — удружил, спас меня.

— Эка невидаль! Я еще и не так могу! — соврал Кузька и на клубок свой покосился. А тот лежит в траве и не возмущается, хотя без него бы бегать мужику по белу свету до сей поры.

— А ты, поди, уж весь мир обежал? — спросил у мужика Кузя.

— Уж раз пятьдесят! — похвастался мужик.

— И все-все повидал?

— Не-а, — признался тот. — Не повидал. Так мчался, что даже разглядеть ничего не успел.

— Это жаль, — огорчился Кузьма. — А то бы мне подсказал, где торговца одного найти можно, который вещами волшебными торгует.

— А это не тот, что мне сапоги подсунул? — поинтересовался мужик.

— Может, и тот, — согласился Кузька.

— Эх, я б его тоже поискал — пусть заберет у меня эти сапоги, а то уж сил никаких нет. Куплю лучше жене новое корыто — ее уж давно прохудилось.

— Так пойдем вместе!

— Не, не могу, — говорит мужик. — Мне домой надо, а то жена заругает. Беспokoится небось. Да и ты пойдем к нам. Тебе с дороги отдохнуть-помыться надо да пирогов с яблоками поесть.

— Что ж, пойдем. Может, в твоей деревне кто видел этого купца, — согласился Кузя.

На том и порешили. Собрались, сапоги с дороги подняли, клубок от дерева отвязали и пошли. По дороге песни пели да ягоды собирали — нехорошо дома с пустыми руками показываться.

Деревня мужичка оказалась поблизости. Вошли они туда, стали в калитку стучаться. Стучали-стучали — никто не отзывается.

— Спит, наверное, — предположил мужичок и сам калитку отворил.

Прошли они с домовенком в хату и видят: что за диво — вместо жены сидит за прялкой маленькая-маленькая девочка и песенку напевает. А одежда на девочке такая большая,

будто она в мамином сундуке похозяйничала: рукава болтаются, кокошник на лоб сползает, а лапти с ножек сваливаются.

Домовенок незнакомых людей боялся и потому за мужичка спрятался. А мужик стоит, ртом, как рыба, воздух хватает и сказать ничего не может.

— Маня, — наконец говорит. — Что с тобой такое?

А девочка посмотрела на него из-под кокошника и отвечает:

— Я не Маня. Я — Маняша. Поиграем в догонялки?

И тут же — прыг с лавки и давай по горнице носиться. Мужичок за голову схватился — и бежать, Кузя — за ним. Мужик первым делом к соседям бросился — расспросить, что это такое происходит?

Забегали они с домовенком в дом соседей, а там еще интереснее. Целая стайка детишек по дому носится, кричит, по полатям скачет, ухватами размахивает.

— Какая дружная семья, — заметил Кузя.

— Да уж, — согласился мужик. — Только в прошлый раз детей у них в два раза меньше было. Что-то и тут не так.

И впрямь: некоторые дети были дети как дети, а некоторые — словно ненастоящие. И на этих ненастоящих, как и у Маняши, одежда так и болталась.

— Пойдем-ка отсюда, — сказал мужик. — Знаю я, кто нам с тобой все расскажет.

И пошли они к деду Ивану, что старше всех в деревне был. Дед Иван был такой древний, что помнил время, когда все леса в округе были просто семечками, который ветер от-

куда-то принес и по полям посеял. И сам дед напоминал больше не деда, а пенек замшелый: сгорбленный, да и глухой к тому же. Зато мудрый был и проницательный — такое на своем веку перевидел, что людям даже и не снилось. Вот к нему-то и повел мужик домовенка.

Пока шли по деревне, ни одного взрослого не встретили, зато детишек повсюду бегают видимо-невидимо, и все кричат. Кто в салки, кто в горелки, а кто в лапту играет. Так в деревне было весело, что у Кузи на душе потеплело.

«Вот бы где жить!» — подумал он. А тем временем и подошли они к нужному дому, к избушке деда. А избушка такая же старая да сгорбленная была, как сам дед. Мужик, хоть и мал он был росточком, пришлось нагибаться, зато Кузе притолока в пору пришлась. Он даже подумал, не домовым ли был этот старый дед.

Вошли они в горницу и снова обомлели. Сидит на лавке добрый молодец, плечистый да румяный, а такой рослый, что едва-едва в избушке помещается. Одну руку даже в окно высунул — вот как тесно!

— Здорово, Василий! — говорит добрый молодец мужику.

— Здорово, коли не шутишь, — отвечает тот. — Извини, что-то я тебя не признаю. Никак, деду нашему Ивану правнучек будешь?

Засмеялся добрый молодец так, что стены избушки затряслись, бревна ходуном заходили.

— Эх, Василий, — сказал он. — Так ведь я не правнук деда Ивана, я он сам и есть.

— Как так! — всплеснул руками мужик. — Тебе ж в обед двести лет, а ты моложе меня выглядишь!

— А очень просто, — сказал добрый молодец. — Купил я у заезжего купца молодильных яблочек корзину, да с десятков штук и съел — больше не смог. Вот и помолодел.

— Так-так-так, — сказал тут Кузя. — А остальные яблоки куда дел?

— Да на пороге и оставил. Вдруг кому тоже захочется — мне не жаль.

Переглянулись Кузя с мужиком, и все им стало ясно. Это от щедрости деда такое с деревней приключилось. Рассказали они все Ивану, тот за свои русые кудри схватился и давай причитать:

— Аи, дурак я, дурак! Как же это я не подумал! Я-то, старый пень, мог сколько угодно яблок съесть... А вам, молодым, и одного яблока хватит, чтобы в младенца превратиться. И что ж теперь делать-то? Кто же теперь в деревне работать будет да всех деток малых кормить?

— Вот мы с тобой и будем, — ответил Василий. — А вот этот домовенок пока поищет того доброго человека, который тебя яблочками угостил.

С этим не поспоришь. Всем помочь нужно. Кузя переночевал в деревеньке за печкой, с утра пирога поел и снова в путь-дорожку отправился.

* * *

Шел Кузя по той же желтой дорожке, что его в деревню Ольховку привела, да сама же оттуда и вывела. Долго ли шел, коротко ли — о том сказать нельзя. Только солнце по небу свой круг проходило, а больше вокруг ничего не менялось — все тот же лес, все те же птички на деревьях поют. Кузе даже скучно стало — скорее бы кого-нибудь встретить.

И только он так подумал, как послышался где-то вдалеке шуми треск, будто по лесу великан шагал, деревья, как тростинки, ломал.

— Ох-хо-хо! — застонал Кузя. — Страсть-то какая! Я и так ростом не велик, а тут еще и великан в лесу балует. Раздавит меня, как букашку, поминай тогда, как звали.

Страшно Кузе, а деваться некуда — клубок так нитку из рук и рвет, все вперед тянет.

— Ну, — думает Кузька, — раз клубок не

боится, и мне бояться нечего. Может, это очень зоркий великан и на меня не наступит?

Порешил так и снова по тропинке за клубком отправился. Шел, шел и вышел на большую поляну. А поляна какая-то странная. Кругом, куда ни глянь, одни пеньки, деревья тут же вповалку валяются, а на каждом пеньке по зайцу. Сидят, ушами шевелят, дрожат и боятся.

— Эй, косые! — крикнул Кузя. — Чего сидите, кого боитесь?

Зайцы так врассыпную и бросились. Только один остался, который так от страха обомлел, что даже пошевелиться не в силах. Глаза свои раскосые прикрыл, ушки при-

жал, сидит трясется.

Кузька подошел поближе, зайца по пушистой голове погладил и говорит:

— Не бойся, косой, я тебя не трону.

Заяц дрожать перестал и даже один глаз приоткрыл — посмотреть, кто это с ним

разговаривает. Увидел Кузьку и вздохнул тяжело:

— Ой-ей!

— Что это у вас тут твориться?

— Даже и не спрашивай, — махнул лапкой заяка. — Сами не знаем. Только завелся у нас в лесу злой дровосек. Страшный, большой, деревья рубит — только щепки летят. Всех нас из дому выжил, скоро совсем леса не останется.

— Непорядок, — покачал головой Кузя. — Пойду-ка я с этим наглцом разберусь — зачем безобразит?

Заяц оглядел домовенка с ног до головы и головой качает:

— Ты-то разберешься? Такой-то махонький?

— Маленький да удаленький, — сказал Кузя, затянул потуже кушачок, сжал покрепче кулачок, поднатужился, поднапыжился — даже покраснел. И такой вот, раздутый, как голубь, зашагал мимо пней в ту сторону, откуда страшный скрежет раздавался.

Вошел он в лес и видит: и вправду — здоровенный мужик валит деревья, да так валит, что аж земля дрожит.

Взобрался Кузя на пенек, что повыше всех, руки в боки упер, нахмурился и кричит мужику:

— Ты пошто балуешь, а? Ты зачем столько деревьев навалял — трижды трем деревьям на три зимы хватит? Зайцам теперь и жить негде!

Мужик Кузю услышал, через плечо оглядывается, а сам все деревья рубит, не останавливается.

— Это кто у нас тут такой грозный? — спрашивает и по дереву — хрясь!

Кузе от его зычного голоса жутко стало — аж поджилки затряслись. Только он виду не подает, еще больше грудь вперед выпячивает.

— Это я, Кузьма-воитель, дровосеков победитель, — говорит.

— Здорово-здорово, — отвечает дровосек и снова по дереву — тюк!

— Отвечай мне немедля, — притопнул Кузя ногой.

— Да видишь ли, — говорит дровосек, валя большую сосну. — Я бы и сам рад не рубить — леса жалко. Да себя и людей мне еще жальче. Видишь — вот меч чудесный. Так вот он такой чудесный, что рубит камень, словно масло. А уж коли рубить начал, так и не остановишь, пока он сам того не захочет. Я вот в родной деревне уж все дома и заборы перерубил, так жители меня в лес и выгнали от греха подальше. А не выгнали, я бы сам ушел. Не рубить же мне буйны головы!

Сказал так и снова принялся деревья столетние одним ударом валить. Присмотрелся Кузя и видит: вправду у дровосека вместо топора в руках меч сверкает. Меч как меч,

только вот сквозь дерево он проходит так, словно и нет никакого дерева — только свист стоит да деревья как подкошенные падают.

— Так зачем же ты за меч-то схватился, раз он такой бедовый? — спрашивает Кузя.

— А кто ж знал? Купил я меч у заезжего купца — хотел каменную сосну срубить, что на дороге проросла и торговым людям дорогу загоразивала. И вот видишь... — ответил мужик и снова принялся за дело.

— Говоришь, у купца заезжего купил? — спросил Кузя. — Мне с этим купцом поговорит надобно — житья от него никому нет.

— Встретишь его — поговори и обо мне, — попросил дровосек. — А то уж сил никаких нет — руки просто отваливаются, плечи гудят, а конца-краю моим трудам и не видно.

Пообещал Кузя и за дровосека слово замолвить и пошел себе дальше.

Глава 5

УЧЕНЫЙ КОЛДУН

Снова углубилась песчаная тропинка в густой лес, где только белки на ветвях стрекотали да шишки с сосен на землю падали. Да недолго шел Кузя по этому мрачному лесу. Вскоре деревья поредели и забрезжил свет вдалеке. Лес расступился и кончился, а тропинка все вьется-петляет, между кустов пробирается.

Вывел клубочек Кузю в широкое поле. В небе высоко жаворонки песню распевают, в траве кузнечики скачут, а солнце печет сверху, лучами переливается.

— Вот и солнышко, — обрадовался Кузя, который в сыром лесу по сосновым иголкам находился, света белого не видел, а теперь, как совушка-сова, шурился, от солнышка слеп. Хорошо хоть клубок его по полю вел, с дороги не сбивался. Вдруг клубок остановился и дальше катиться ни в какую не хочет.

— Ну, привал так привал, — согласился

Кузя, присел на кочку, краюшку хлеба достал, что ему в деревне Ольховке на дорогу дали, стал кушать и к белому свету привыкать.

И видит — кто-то идет по дороге, а кто — не разберет. А тут и с другой стороны путник показался и тоже к Кузе приближаться начал. Сидит домовенок, ждет и думает, кто же ему еще на пути встретится, добрые люди или злые?

Подошли путники поближе, Кузя смотрит и глазам не верит: идут к нему не кто-нибудь, а его друзья домовые — Вуколочка да Нафаня.

— Вот диво-диво, удивление! — закричал Кузя радостно.

А домовые его увидели и тоже обрадовались. Давай тут обниматься и друг друга приветствовать, как это у домовых принято. А здороваются они так: встанут друг напротив дружки, руки в боки уткнув, лоб ко лбу приставят и давай бодаться. Откуда такой обычай у домовых пошел, никто не знает. Но говорят, коли домовый домового бодает, так он ему очень рад.

Так поздоровались домовые, сели чинно

рядком и стали беседовать. Кузьке очень не терпелось про свои приключения рассказать, но он терпел до поры до времени: надо впредь слово дать тем, кто старше. А самым старшим был домовый Нафаня — ему уж сорок веков было.

— Уф-ф! — говорит Нафаня. — Вот это путешествие так путешествие! Приключение так приключение! Сколько на свете живу, а таких чудес не видывал!

И поведал Нафаня о том, что он повидал и кого он встретил. Тут были и горшочек, ко-

торый сам кашу варил, да остановиться не мог — все жители уже каши объелись, в реке была каша, в поле — каша, в домах — тоже каша. А вся деревня сидела на колокольне и плакала. Был тут и ковер, который народ с ярмарки куда-то увез и никто этих людей найти не может; и про старика, который к чему руками ни прикоснется, все у него в золото превращается, и его теперь только с ложки кормят.

Вторым по старшинству был Вуколочка. И он рассказал про деревню, где люди все в синяках ходят — из-за сокровищ передрались, которые из-под копыт волшебного оленя сыпались; про то, как в одном селе жители каким-то образом превратились в великанов, а обратно никак не могут — ходят вокруг своих домов, а внутрь попасть не получается; как в одной деревне все жители прилепились к бычку и никак не могли оторвать от него руки.

Слушал Кузя, дивился. Но вот настал и его черед о своих приключениях рассказывать. Рассказал все, как было, ничего не присочинил, как это с ним частенько раньше случилось, и под конец спросил друзей, что им дальше делать.

— И еще мне интересно — как это мы с вами в разные стороны разошлись, а в одном месте встретились?

— Вот это чудо так чудо, — согласились домовые. — Шли-шли все прямо, никуда не сворачивали, а оказались здесь.

— Это все купец заезжий балует, — решил Кузя. — Это он нам всем головы морочит — все дороги взял да узлом и завязал.

И вправду три желтые дорожки с разных сторон шли-шли и в одну дорогу сливались, словно ручьи в речку. А речка эта бежала себе дальше.

— Что ж, — сказал Нафаня. — Знать, судьба нам теперь всем вместе искать того, кто всю округу взбаламутил, и по одной дороге идти.

— И то верно, — согласился Вуколочка. — А вместе куда как веселее.

Передохнули домовые и в дорогу отправились. Подошли к началу широкой дороги и увидели там большущий валун, на котором было написано:

*«Направо пойдешь — назад воротисься.
Налево пойдешь — снова здесь окажешься.
Назад пойдешь — никакого толку.
Иди-ка лучше прямо».*

Так домовые и сделали. Шли они только прямо, куда их дорога вела. А дорога вела их все дальше и дальше, через поля широкие, луга заливные, овраги глубокие и леса темные. Никто им по дороге не встретился, даже птицы и звери куда-то запропастились-прятались, не то чтобы люди по этой дороге ходили.

* * *

И вот наконец дорога-речка вылилась, точно в море, на широкий двор. Двор был на холме, на дворе стоял дом — ни высок, ни низок, ни нов, ни стар, ни большой, ни маленький, с одним крыльцом, с одним коньком, вокруг — завалинка, одно окно — темное, а в другом — свет горит за зеленой занавеской. Посмотрели домовые — дороги дальше нету, хочешь не хочешь, а нужно в дом заходить, хозяев проведывать.

Поднялись домовые на высокое крыльцо, постучали прямо в дубовую дверь, а дверь им и говорит человеческим голосом:

— И не нужно так стучать — больно же!

Так испугались домовые, что даже с крыльца посыпались. Нафаня под крыльцо забрался, Вуколочка в траву юркнул, а Кузька лопухом прикрылся и дрожит. Посидели, побоялись — скучно. Однако ничего не случилось, и решили домовые обратно вылезать — не век же здесь вековать.

Выползли, вылезли и стали осторожно к двери подходить. Нафаня, как самый старший, стал к двери обращаться.

— Матушка-дверь, — говорит ей с поклоном, — ты не серчай на нас. Мы таких, как ты, отродясь не видывали.

— Это ничего, — отвечает дверь. — Привыкнете. Чего надобно вам?

— Мы — странники, — отвечает Нафаня за всех. — Мы одного человека ищем, нам с ним поговорить нужно. Шли вот по дороге и вышли на широкий двор, к вашему дому. Уже темнеет, солнышко за гору закатилось, вот мы и решили — не приютит ли нас добрый хозяин с щедрой хозяйкой? Мы много не попросим — нам бы хлеба краюшку, водицы студенной да сеновал.

— Хм, — отвечает дверь. — К нам гости

редко заходят. Даже и не знаю, будет ли вам хозяин рад... Ну, проходите — там и спросите, нельзя же вас на пороге держать.

Распахнулась дверь, да так хорошо и гостеприимно, что стало ясно — вежливые домовые ей очень понравились. Прошли они в сени, а там — темным-темно, хоть глаз коли. А по углам будто кто-то дышит и шепчется.

Притихли друзья — а вдруг домовые местные на них гурьбой налетят и отмутузят как следует — кто их знает. Но никто их не тронул, и дальше они пошли. Отворили дверь в горницу, а там посреди комнаты стоит стол широкий, а за столом хозяин сидит. А на том столе не еда, не питье и не закуски разные. На том столе — сосуды диковинные, из которых пар клубами валит, огоньки какие-то горят, вода цветная бурлит. А хозяин сидит и в большую книгу что-то пишет пером какой-то заморской птицы.

Посмотрели домо-

вые на это и сразу поняли — перед ними самый настоящий колдун. Страшно, а назад дороги нет.

Нафаня снова и говорит:

— Доброго вечера вам, хозяин, — а у самого голос дрожит, как озябший мотылек.

Хозяин голову от книги поднял и посмотрел на гостей пристально.

«Все! Прощай, моя буйная головушка! — подумал Кузя. — Сейчас поймает, зажарит и съест!»

Но колдун почему-то никого ловить и жарить не стал. Увидел он домовых и улыбнулся им ласково:

— Здравствуйте, добрые люди. Садитесь, пожалуйста. С чем пожаловали?

И тут смотрят домовые — а у хозяина один глаз зеленый, а другой черный. Да и все остальные приметы сходятся: был он ни высок, ни низок, ни толст, ни худ, ни волосат, ни лыс, ни стар, ни молод, ни богат, ни беден. Человек как человек.

Ахнули домовые и поняли — нашли они того, кто им нужен, и дорога их правильно вывела. Этот колдун тот самый заезжий купец и есть, а что улыбается — так это он их обдурить хочет и от наказания отвертеться.

Задумались домовые — как дело начать, чтобы колдуна вокруг пальца обвести? Первым Кузя догадался. Подошел к столу — важно так, — вытащил из-за пазухи шапку-невидимку, что ему медведь отдал, положил перед хозяином и спрашивает:

— Ваша вещь?

Зажмурились домовые: как рассердится сейчас колдун, как долбанет Кузю громом, как сожжет молнией! Ничуть не бывало. Посмотрел колдун на шапку и головой кивает:

— Конечно, узнаю. Я эту шапку в лесу потерял, — спокойно отвечает.

Переглянулись домовые — не ожидали они такого.

— А вот, например, гусли-самогуды, наливное яблочко на серебряной тарелочке, скатерть-самобранка — тоже ваши? — поинтересовались домовые.

— И это мое, — кивнул колдун.

— Так, значит, вас мы и искали, — сказал Нафаня. — Вы зачем это людей губите и округу баламутите? Зачем балуете и озоруете, когда от ваших дел людям одно только горе?

— Постойте-постойте, — говорит хозяин и перо волшебное в сторону откладывает. —

Это какое же людям от меня горе? Я людям вещи волшебные на радость продавал, чтобы каждому было от этого счастье...

— Да уж, счастье, — проворчал Кузя. — Такого счастья врагу не пожелаешь.

И поведали домовые удивленному колдуну, что произошло с его вещами и людьми, которым он их продавал. Схватился колдун за голову:

— Ай-яй-яй! Что же это я наделал! Хотел людям счастье принести, а вышло все наоборот!

Рассказал тут колдун про то, как все на самом деле вышло. Был он никакой не колдун, а самый настоящий ученый. Этот ученый был умный-преумный, талантливый-преталантливый и все на свете знал и умел. И вот как-то попала к нему в руки книжечка с волшебными сказками.

И так эта книжка ему понравилась, что решил он вещи волшебные, про которые в книжке было написано, сам сделать и людям в помощь раздать. Долго он трудился и старался, вещи эти изобретал и слова волшебные заново сочинял. И вот настал тот день, когда все у него получилось. И в этот самый день пе-

реоделся он в бродячего торговца и пошел по городам и селам — вещи свои распродавать, чтобы народ не пугать. Думал он, что доброе дело творит, а вышло совсем по-другому.

— Что же делать теперь? — сокрушался ученый колдун. — Нужно в путь-дорогу собраться и людей выручать!

— Ночь на дворе, — рассудил Нафаня. — А мы — с дороги.

И ученый колдун согласился, что сперва передохнуть надо, а за дело — с утра приниматься. Потому как утро вечера мудренее, и добрые дела нужно при свете солнца совершать, а вот вредить — только ночью.

XXX

Наутро собрались они в путь. Запаслись провизией, ученый в котомку засунул свою большущую книгу, в которой написано не только, как дело делать, но и как его исправлять.

И пошли потихоньку по волшебной дороге, которая вела только к дому ученого и никуда больше. Оказалось, что он специально все до-

роги замкнул в кольцо, чтобы люди к нему почаще в гости заходили.

— А что — не заходят? — поинтересовался Кузя.

— Не заходят, — вздохнул ученый.

— А почему? — спросили домовые.

— Боятся. Думают, что колдун.

Так, беседуя, шли они по дороге, спеша все зло исправить, что по недосмотру случилось. Сперва набрали на дровосека, что мечом-кладенцом уже пол-леса вырубил. Произнес ученый волшебное слово, меч блеснул и остановился. Дровосек пот со лба утер, рухнул от усталости и тотчас же уснул.

— Пусть спит, — сказал ученый. — А меч пусть ему остается, но теперь это будет обычный, только очень острый. Мало ли какой ворог нападет — меч тогда и пригодится.

Пошли они дальше и увидели ту самую деревню, в которой все жители к бычку прилепились. Сидят все холодные, голодные, руки отлепить не могут.

Дал ученый бычку волшебной травы, и кончилось заклятье.

— Будешь ты теперь, — говорит ученый, —

не бычок смоляной бочок, а просто теленок. Принесешь людям счастье — будут в этой деревне всегда большие стада и сытые коровы.

Третьим на очереди было село, в котором все из-за блестящих камней передрались. Подозвал ученый оленя, снял у него с ноги серебряное копытце, а оставил костяное.

— А вокруг этой деревни всегда в лесу будет много живности всякой.

Потом нашли они село, в котором все жи-

тели в детей обратились, когда молодильных яблок поели. Там уж Василий с Иваном с ног от усталости валятся — одни в поле работают да детей нянчат. Собрал вокруг себя ученый ватагу ребятишек и всем раздал по куску пирога с присказкой:

— Стань всяк таков, каков и должен быть.

Съели ребятишки по куску пирога и снова во взрослых обратились. И разбежались — кто скотину кормить, кто в поле работать. Только деда Ивана не кормил ученый пирогом, потому как такого добра молодца негоже было снова загубить.

— Жители этой деревни, — сказал на прощанье ученый, — будут всех удивлять своим долголетием и здоровьем.

Тут же у Василия и сапоги скороходы забрал, а взамен лапти липовые дал, да не простые, а которым сноса никогда не будет.

Добрались они и до той деревни, в которой горшочек все варил кашу и никто его остановить не мог. Покрутил его ученый, повертел и сказал жителям:

— Он теперь будет кашу варить только по субботам и столько, сколько каждому жите-

лю нужно. Никогда в вашей деревне голода не будет.

Вспомнил ученый и про тех, кто на ковре самолете улетел за тридевять земель. Хлопнул он в ладоши три раза, присвистнул, прикрикнул и откуда ни возьмись — ковер прилетел, а на нем — все пропавшие люди. То-то было радости!

И мужика с «золотыми» руками расколдовал ученый, и великанов вновь в нормальных людей обратил, и в конце концов ДОПЕЛИ они до трех деревень, откуда домовые родом были.

Вошел ученый в дом, где скатерть-самобранка была, а там все по-прежнему — храп стоит, аж занавески колышутся. Свернул он скатерть потихоньку, а вместо нее другую постелил — такую же, только обычную.

Проснулись жители, а скатерть больше не работает! Поневоле пришлось подниматься да в поле выходить — сеять и жать. Поклонился тогда ученому Нафаня и говорит:

— Ну, мил человек, уважил. Теперь и мне за работу надо приниматься, — сказал так и убежал по своим домовячьим делам.

После зашли в то село, где гусли-самогуды играли. Там уже жители ни танцевать не могли — каблуки стоптали, ни петь — голоса надорвали, ни плакать — слезы кончились, а гусли все играют и играют — и плясать, и петь, и плакать приходится.

Взял ученый гусли-самогуды, подтянул струны, подкрутил колесики, гусли и умолкли. Жители все по лавкам попадали и стали платками обмахиваться и отдуваться — отдыхать. А ученый подошел к маленькому мальчику, вручил ему гусли и сказал:

— Держи вот. Будешь известным гусяром, самые лучшие баллады сложишь и когда-нибудь и эту историю людям расскажешь.

Тут и Вукочка с путниками распрошался — дела!

И пошли ученый с Кузей вдвоем, и вскоре пришли в его родную деревню, где уже бурьян на огородах стал пробиваться и улицы полынью заросли. Зашли они в Кузькин родимый дом, где вся деревня не пьет, не ест, все в тарелку глядит.

Надел ученый шапку-невидимку, подошел к столу, взял тарелку и в котомку вместе с

яблоком засунул. Потянулись тут все жители, ожили, всяк о своем деле вспомнил, как будто ничего и не произошло.

Петух принялся кукарекать, собака за кошкой погналась, соседи стали подарки дарить да новостями делиться, кузнец стал сапог зашивать, Анютка — кашу есть, а бабка Настя всплеснула руками и побежала к печи, которая уж давным-давно остыла, — обед готовить.

Обрадовался Кузя: все на свои места встало и в доме теперь будет порядок — а что еще домовому надо?

— Ну, спасибо тебе, — сказал он ученому.

— Да уж тебе спасибо, что меня отыскал и о беде вашей рассказал. А я только свои же ошибки исправил. Вот уж вправду век живи — век учись. Думал я, что ничего нет на свете, чего я не знаю. Все-то я изучил и в книгу свою записал. Ан нет — не все. Самого главного я так и не выучил — людей, которые вокруг меня живут. Оказалось, что и добрые вещи могут вред принести, если их неправильно использовать. Теперь уж точно буду больше с людьми знаться и их характеры изучать. А вашей деревне и дарить нечего — в ней такой домовенок живет, что большего добра и не пожелаешь.

Попрошались они с Кузей, ученый его жить даже к себе звал — помогать по хозяйству да сказки рассказывать.

— Нет уж, — сказал Кузя. — В гости — это ладно. Но жить не смогу. Краше родного дома нет ничего.

На том и расста-

лись. Кузя помахал вслед ученому, вернулся в дом, достал свой сундучок волшебный, что под печкой прятал, вынул из-за пазухи волшебный клубок и положил его бережно внутрь.

Сундучок засветился и начал сказку скзывать. А начал такими словами:

— Делу — время, а потехе — час...

Содержание

Глава 1

Зубы болят — щепки летят. 5

Глава 2

Неприятности продолжаются. 22

Глава 3

За семь верст киселя хлебать. 42

Глава 4

Чудеса в решете. 56

Глава 5

Ученый колдун. 75

Для дошкольного и младшего школьного возраста

Галина Владимировна Александрова

ДОМОВЕНОК КУЗЬКА И ВОЛШЕБНЫЕ ВЕЩИ

Сказочная повесть

Художник *А. Шахгелдян*

Редактор *М. Калугина*
Художественный редактор *А. Воейкова*
Компьютерная верстка *А. Петрушкиной*
Корректор *Н. Бучарова*

Подписано в печать 1.04.01. Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 6.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ № 2931.

Издательство «Стрекоза-Пресс». 113054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 21, стр. 3.
(ЛР № 04289 от 15.03.01)

ФГУП Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации по делам
печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Телефоны для реализации:
(095)268-33-90, (0872) 41-06-37

107076, г. Москва, Стромьинский пер., 4.

